

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. At the top, a large, textured, yellowish-white moon dominates the sky, surrounded by several smaller, similar moons. Below the moon, a gnarled, leafless tree stands on the right side. In the center-right, a figure in traditional East Asian attire, including a long robe and a tall, pointed hat, is kneeling and holding a small, glowing object. In the bottom left corner, two blue, monkey-like creatures are visible. The overall scene is set in a dark, misty landscape with a body of water in the foreground.

СОЗДАТЕЛЬ ЛУН

РОБЕРТ
ЧАМБЕРС

ИЛЛЮСТРАЦИИ
САНТЬЯГО КАРУЗО

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ШЕДЕВРЫ

Роберт Уильям Чамберс
Создатель Лун с
иллюстрациями
Сантьяго Карузо
Серия «Шедевры
ужаса в иллюстрациях»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70373545

*Р. Чамберс. Создатель Лун: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-152939-0*

Аннотация

Каждый рассказ Чамберса – словно ожерелье тончайшей работы, а в целом все их можно назвать связующим звеном между литературой Северной Америки и той мрачной и набожной фантастической прозой, которую незадолго до него представил француз Марсель Швоб в своем сборнике «Король в золотой маске» (1892), переписав ряд легенд и исторических эпизодов в сверхъестественном ключе.

Содержание

Предисловие Сантьяго Карузо	5
Вестник	9
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Роберт Чамберс

Создатель Лун

Robert W. Chambers

The Maker of Moons & Other Tales

© 2012, de las ilustraciones: Santiago Caruso

© Г. Эрли, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Предисловие Сантьяго Карузо

Эта подборка, продолжающая серию из четырех рассказов, которые связаны между собой трагической историей «Короля в желтом» (1895), извлечена из сборников «Создатель Лун» (1896) и «Тайна выбора» (1897). Стихотворения, предваряющие прозу, окутывают старинные легенды флером литературного изящества: автор этих рассказов был не столько беспокойным мечтателем из провинции, сколько дилетантом, вдохновлявшимся богемной жизнью «прекрасной эпохи». Но если в те времена Чамберс не уступал известностью лорду Дансейни, то сегодня его помнят в основном лишь как автора «Короля в желтом», ибо эта проклятая книга – предтеча «Некрономикона», созданного знаменитым мифологом из Провиденса. Каждый рассказ Чамберса словно ожерелье тончайшей работы, а в целом все их можно назвать связующим звеном между литературой Северной Америки и той мрачной и набожной фантастической прозой, которую незадолго до него представил француз Марсель Швоб в своем сборнике «Король в золотой маске» (1892), переписав ряд легенд и исторических эпизодов в сверхъестественном ключе. Чамберс разворачивает свои сюжеты с типично французским благоразумием, но благодаря обилию подробностей ткань его повествования зачастую превращается в изысканный гобелен, пропитанный экзотиче-

скими ароматами и наводящий на мысли о Ближнем Востоке или еще более отдаленных уголках Земли. Так происходит, например, в рассказе «Создатель Лун» – жемчужине этого сборника. Некий вымышленный китайский культ ставит под угрозу самые основы экономики Соединенных Штатов, а все элементы, из которых Лавкрафт впоследствии сформирует миф о Ктулху, разложены перед читателем, как на витрине: тут и представители замшелой аристократии, пытающиеся сохранять американскую версию хороших манер перед лицом древнего варварского народа; тут и зловещая, смертоносная фауна, связанная с экзотическим культом, – вечное отражение ксенофобии правящего класса.

Однако герои Чамберса отличаются от лавкрафтовских: их дерзания вдохновлены не только любопытством к потустороннему, но и поисками любви. Не стоит поспешно упрекать его героев в мизогинии: они действуют строго по тем канонам служения прекрасной даме, которые христианство когда-то утвердило в самом сердце рыцарского Средневековья и которым всецело подчинялся сам Чамберс, будучи истинным джентльменом. Один из основных мотивов его прозы – торжество любви (сколь бы ребяческие и сентиментальные формы она ни принимала с точки зрения наших современников) над страхом, который порождает вторжение сверхъестественного ужаса в повседневную жизнь.

Известно, что мифическая Каркоза, родина Короля в Желтом, заимствована из сновидческого рассказа Амброза

Бирса «Житель Каркозы», но между этими двумя писателями есть и другая точка пересечения: бирсовский «Случай на мосту через Совиный ручей» явно перекликается с рассказом Чамберса «Врата Горя», в котором последнее слово дикой природы, истребляемой белыми людьми Северной Америки, звучит не менее весомо и громко.

Впрочем, и другие рассказы Чамберса во многом опираются на традицию Бирса – это становится очевидно всякий раз, когда встреча цивилизованного человека с дикой природой оборачивается нелегким испытанием, а буржуазный дух истекает кровью на шипах проклятия, которым проигравшая сторона Истории клеймит мечту отчаянных первопроходцев и сорвиголов. Так, изгой обретает мимолетное блаженство лишь для того, чтобы погрузиться в пучину истинной муки; путник из рассказа «Исская дева» тщетно пытается вернуть видение бретонской Атлантиды, а нечестивый мертвец возвращается спустя столетия, чтобы обрушить грозное пророчество на потомков своего врага. Переверните страницу – и вы услышите шелест крыльев. «Вестник» уже здесь.

Крохотный серый вестник
В ризах, отмеченных Смертью,
Твои одеянья – прах!
Кого же ты ищешь под вечер,
Порхая меж белых лилий,
Кружа в поникших цветах?

Меж лилий, поникших к ночи,
Порхая в вечернем мраке,
Кого ты ищешь, ответь,
Крохотный серый вестник,
На чьих одеяньях пыльных
Поставила метку Смерть?

А вы, мудрецы, ответьте,
Всё ли на этом свете
Вы повидали? Всё ли
Отметил пытливый взгляд?
Ты, человек, всеведущ,
Всё ты познал и понял?
Неужто теперь ответишь,
Где же лежит твой брат?

Вестник

I

– Пуля вошла сюда, – сообщил Макс Фортен, приставив средний палец к круглому гладкому отверстию точно посередине лба.

Я сел на холмик сухих водорослей и снял с плеча охотничье ружье.

Коротышка-химик осторожно ощупал края пулевого отверстия – сначала средним пальцем, затем большим.

– Дайте-ка мне еще раз взглянуть на этот череп, – сказал я. Макс Фортен поднял его с земли.

– Такой же, как и все остальные, – заметил он.

Я кивнул, даже не протянув руки. Фортен на миг растерялся, но затем аккуратно положил его в траву у меня под ногами.

– Как и все остальные, – повторил он, протирая очки носовым платком. – Я подумал, может, вы захотите увидеть один из этих черепов, вот и принес его сюда из гравийного карьера. Парни из Банналека¹ всё еще там копают. Пора бы уже и честь знать.

– Сколько всего черепов? – поинтересовался я.

– Они нашли тридцать восемь, а в списке значатся трид-

---

¹ Банналек – город в регионе Бретань, на северо-западе Франции. – *Здесь и далее прим. пер.*

цать девять. Все свалены грудой в гравийном карьере, на краю пшеничного поля Ле Бьяна. Ле Бьян собирается оставить их.

– Пойдемте, – сказал я и, подхватив ружье, двинулся напрямиком через скалы. Фортен пошел по одну руку от меня, Малыш побежал по другую.

– У кого этот список? – спросил я, закуривая трубку. – Вы сказали, есть какой-то список.

– Нашли латунный цилиндр, а в нем – скрученный листок с этим списком, – ответил химик и добавил: – Не стоит здесь курить. Если хоть одна искра попадет в пшеницу, ну, сами понимаете...

– Не волнуйтесь, у меня есть крышка для трубки, – улыбнулся я.

Полюбовавшись, как я пристраиваю на раскаленную чашечку трубки насадку с дырками вроде перечницы, Фортен продолжил:

– Список составили на плотной желтой бумаге; в этом латунном цилиндре она отлично сохранилась с тысяча семьсот шестидесятого. Сами увидите.

– Что за дата?

– Список датирован апрелем тысяча семьсот шестидесятого года. Он сейчас у бригадира Дюрана. Написан не по-французски.

– Не по-французски? – удивился я.

– Нет, – торжественно подтвердил Фортен. – По-бретон-

ски.

– Но в тысяча семьсот шестидесятом на бретонском еще не писали и не печатали книг², – возразил я.

– Разве что священники, – обронил химик.

– Я слышал лишь об одном священнике, который писал по-бретонски, – начал я.

Фортен украдкой взглянул на меня.

– О Черном Монахе? – уточнил он.

Я кивнул.

Фортен открыл было рот, чтобы продолжить, поколебался и наконец упрямо стиснул зубами пшеничный стебель, который жевал на ходу.

– Ну, так и что насчет Черного Монаха? – переспросил я, но напрасно. Проще заставить звезды свернуть со своих путей, чем разговорить заупрямившегося бретонца.

Минуту-другую мы шли в тишине.

– Где бригадир Дюран? – спросил я, прикрикнув на Малыша: тот ломился через посеvy, словно по дикому верещатнику. Между тем вдалеке показался край поля, а за ним – темные, влажные громады скал.

– Дюран – там, отсюда уже видать. Смотрите, это он стоит чуть позади мэра Сен-Жильда³.

– Понятно, – сказал я.

---

² Долгое время бретонский язык оставался исключительно устным. Литературный бретонский был разработан искусственно лишь в XIX веке.

³ Сен-Жильда – город в регионе Бретань, на северо-западе Франции.

И мы двинулись прямо вниз по выжженной солнцем, заросшей вереском тропе для скота.

Когда добрались до края поля, Ле Бьян, мэр Сен-Жильда, окликнул меня. Я сунул ружье под мышку и подошел к нему, огибая пшеницу.

– Тридцать восемь черепов, – произнес он своим тонким высоким голосом. – Остался всего один, и я против дальнейших поисков. Полагаю, Фортен вам сообщил?

Я пожал ему руку и ответил на приветствие бригадира Дюрана.

– Я против дальнейших поисков, – повторил Ле Бьян, нервно перебирая серебряные пуговицы, которые покрывали всю переднюю часть его куртки из сукна и бархата, отчего та напоминала нагрудник чешуйчатых доспехов.

Дюран поджал губы, подкрутил огромные усы и заткнул большие пальцы за пояс с саблей.

– Что до меня, – заявил он, – то я за дальнейшие поиски.

– Дальнейшие поиски чего? Тридцать девятого черепа? – уточнил я.

Ле Бьян кивнул. Дюран нахмурился, глядя на залитое солнцем море, колышущееся, словно чаша расплавленного золота, от скал до горизонта. Я проследил за его взглядом. На блестящих скалах, силуэты которых темнели на фоне сверкающего моря, сидел, задрав к небу свою жуткую голову, большой баклан, черный и неподвижный.

– Где этот список, Дюран? – спросил я.

Жандарм порылся в своей почтовой сумке и достал латунный цилиндр около фута длиной, с мрачным видом отвинтил крышку и вытряхнул свиток плотной желтой бумаги, густо исписанной с обеих сторон. Этот свиток он и вручил мне по кивку Ле Бьяна, но я ничего не смог разобрать в грубых каракулях, тускло-коричневых от времени.

– Переведете, Ле Бьян? – Я почувствовал, что теряю терпение. – Ну и горазды вы с Максом Фортенем наводить тень на плетень!

Ле Бьян подошел к краю ямы, где копали трое мужчин из Банналека, отдал приказ или два по-бретонски и повернулся ко мне.

Я тоже приблизился к яме и увидел, что люди из Банналека стаскивали квадратный кусок парусины с груды чего-то, что я на первый взгляд принял за булыжники.

– Смотрите! – пронзительно воскликнул Ле Бьян.

Я присмотрелся. Это была груда черепов. Миг спустя я уже спускался по гравийному склону. Люди из Банналека хмуро поздоровались со мной, опираясь на кирки и лопаты и вытирая загорелыми руками потные лица.

– Сколько? – спросил я по-бретонски.

– Тридцать восемь, – ответили они.

Я огляделся. За грудой черепов лежали две груды человеческих костей. Еще дальше – холмик из какого-то ржавого лома, железного и стального. В этой куче я разглядел прожжавшие штыки, лезвия сабель и кос, а кое-где – потуск-

невшие пряжки с обрывками жестких ремней, твердых, как железо.

Я подобрал пару пуговиц и поясную застежку. На пуговицах был изображен королевский герб Англии; на застежке – английская военная эмблема с цифрой «27».

– Мой дед рассказывал об ужасном английском полке, Двадцать седьмом пехотном. Они высадились тут, неподалеку, и штурмовали форт на берегу, – произнес один из банналекцев.

– Ага! – отозвался я. – Значит, это кости английских солдат?

– Да, – ответили люди из Банналека.

Ле Бьян уже кричал мне сверху, чтобы я поднимался.

Отдав работникам застежку и пуговицы, я выбрался на край раскопа.

– Ну, – сказал я, придерживая Малыша, чтобы тот не вскочил и не принялся меня облизывать, – полагаю, вы знаете, что это за кости. Что собираетесь с ними делать?

Ле Бьян сердито насупился.

– Час назад тут был один человек. Англичанин. Проезжал на какой-то колыхаге в Кемпер. Что, по-вашему, он хотел сделать?

– Купить мощи? – с улыбкой предположил я.

– В точку! Вот же свинья, а? – выкрикнул мэр Сен-Жильда. – Жан-Мари Трегунк – это он нашел кости – стоял там, где стоит сейчас Макс Фортен, и знаете, что он ответил?

Плюнул на землю и сказал: «Английская свинья! За кого ты меня принимаешь, за осквернителя могил?»

Я знал Трегунка – серьезного голубоглазого бретонца, который уже не первый год едва сводил концы с концами и не мог позволить себе даже кусочка мяса на обед.

– Сколько этот англичанин предложил Трегунку? – спросил я.

– Двести франков за одни только черепа.

Я подумал об охотниках за реликвиями и покупателях сувениров с полей сражений нашей гражданской войны.

– Тысяча семьсот шестидесятый – это было давно, – заметил я.

– У почтения к мертвым нет срока давности, – возразил Фортен.

– Мало того, – продолжал я, – английские солдаты пришли сюда, чтобы убить ваших отцов и сжечь ваши дома.

– Они были убийцами и ворами, но теперь они мертвы, – сказал Трегунк, поднимаясь к нам с пляжа. С его шерстяной куртки капала вода, а на плече он нес длинные грабли, какими прочесывают берег во время отлива.

– Сколько ты зарабатываешь в год, Жан-Мари? – спросил я, повернувшись, чтобы пожать ему руку.

– Двести двадцать франков, месье.

– Сорок пять долларов в год! – воскликнул я. – Ну и ну! Ты стоишь большего, Жан. Ты не мог бы заняться моим садом? Жена сказала спросить тебя. Думаю, на ста франках в

месяц мы бы с тобой столковались. Ну что ж, Ле Бьян, за дело! Фортен или вы, Дюран! Кто-нибудь, переведите мне этот список на французский!

Трегунк так и застыл, выпучив на меня свои голубые глаза.

– Можешь приступать хоть сегодня, – улыбнулся я ему. – Если, конечно, оплата тебя устраивает.

– Устраивает, – сказал Трегунк, с глупым видом шаря по карманам в поисках трубки. Ле Бьяна это вывело из себя.

– Ну так иди и работай! – прикрикнул на него мэр.

Трегунк запоздало сдернул передо мной картуз, повернулся и, стиснув рукоять граблей изо всех сил, зашагал через вересковую пустошь к Сен-Жильде.

Некоторое время мэр сосредоточенно изучал свои серебряные пуговицы, а потом заметил:

– Вы предложили ему больше, чем получаю я.

– Тоже мне, – усмехнулся я. – Что вы делаете за свое жалование? Играете в домино с Максом Фортенем в кабаке «Груа»?

Ле Бьян покраснел, но Дюран звякнул саблей и подмигнул Максу Фортену, а я со смехом подхватил насупившегося мэра под руку.

– Вон там, под обрывом, есть тенистое местечко, – сказал я. – Пойдемте, Ле Бьян, прочитаете мне, наконец, этот список.

Не прошло и минуты, как мы укрылись в тени скалы. Я

растянулся на земле, опершись подбородком на руку, и приготовился слушать. Жандарм Дюран сел, закрутив усы так лихо, что кончики их стали острыми, как иглы. Фортен прислонился к скале, полируя очки и скользя по нам рассеянным, близоруким взглядом, а мэр Ле Бьян уселся посередине, скатал свиток и сунул его под мышку.

– Прежде всего, – начал он пронзительным голосом, – я закурю трубку, а пока буду ее раскуривать, расскажу вам, что знаю о нападении на тот форт. Мой отец рассказывал мне, а ему – его отец.

Мэр мотнул головой в сторону разрушенного форта – квадратной каменной постройки на утесе над морем, от которой уже не осталось ничего, кроме осыпающихся стен. Затем он неторопливо достал кисет, кремь с трутом и трубку с длинным чубуком и микроскопической чашечкой из обожженной глины. Чтобы набить такую трубку, требуется минут десять пристального внимания. Чтобы выкурить – всего четыре затяжки. Очень уж она бретонская, эта бретонская трубка. Квинтэссенция всего бретонского.

– Продолжайте, – подбодрил я его, закуривая сигарету.

– Форт, – сказал мэр, – был построен при Людовике XIV. Англичане дважды его захватывали. В 1739-м Людовик XV восстановил его. В 1760 году англичане снова напали. Подошли от острова Груа на трех кораблях, взяли форт штурмом, разграбили Сен-Жюльен – вон там, по соседству, – и начали жечь Сен-Жильда. На стенах моего дома до сих пор

видны следы от пуль. Но подросли люди из Банналека и Лорьяна с пиками, косами и мушкетонами и задали англичанам жару. Те, кто не убежал, теперь лежат там, внизу, в гравийном карьере, – тридцать восемь покойников.

– А череп тридцать девятого? – спросил я, докуривая сигарету.

Мэр закончил набивать трубку и начал убирать кисет с табаком.

– Череп тридцать девятого, – пробормотал он, сжимая чубук кривыми желтыми зубами, – череп тридцать девятого – это не мое дело. Я велел людям из Банналека прекратить копать.

– Но чей же он, этот недостающий череп? – не отставал я.

Мэр даже головы не поднял: все его внимание сосредоточилось на том, чтобы высечь искру. Наконец, трут занялся: он поднес его к трубке, сделал уже упомянутые четыре затяжки, выбил пепел и с важным видом положил трубку в карман.

– Недостающий череп?

– Да, – нетерпеливо подтвердил я.

Мэр медленно развернул свиток и начал читать, переводя с бретонского на французский:

НА СКАЛАХ СЕН-ЖИЛЬДА

13 апреля 1760 года

В этот день по приказу графа Суазика, главнокоманду-

ющего бретонскими войсками, кои стоят ныне в лесу Керселек, на этом месте были преданы земле тела тридцати восьми английских солдат 27-го, 50-го и 72-го пехотных полков, погребенные с принадлежавшим им оружием и снаряжением.

Мэр прервался и задумчиво взглянул на меня.

– Продолжайте, Ле Бьян, – сказал я.

Мэр перевернул свиток и продолжил читать написанное на обороте:

Вместе с ними было захоронено тело того подлого предателя, который сдал форт англичанам. Способ его казни был следующим: по приказу благороднейшего графа Суазика предателю сперва заклеили лоб раскаленным наконечником стрелы. Железо прожгло плоть и было прижато ко лбу так сильно, чтобы клеймо отпечаталось на самой кости черепа. Затем предателя вывели на двор и приказали встать на колени. Он признался, что помогал англичанам. Будучи священником и французом, он попрах свои духовные обеты, чтобы добыть для англичан пароли. Эти пароли он выманил на исповеди у молодой бретонки с острова Груа, которая частенько приплывала на лодке к своему мужу, служившему в форте. Когда форт пал, эта женщина, обезумевшая от гибели мужа, разыскала графа Суазика и сообщила, как священник заставил ее рассказать все, что она

знала о форте. Священника схватили в церкви Сен-Жильда в последний момент: он уже собирался в Лорьян. Когда его арестовали, он проклял эту женщину, Мари Тревек...

– Что? – воскликнул я. – Мари Тревек!..

– Мари Тревек, – повторил Ле Бьян. – Священник проклял Мари Тревек и всю ее семью и потомков. Его расстреляли, поставив на колени и надев на него кожаную маску, потому что бретонцы, которым поручили казнь, боялись стрелять в священника, пока лицо его оставалось открытым. Священник этот был не кто иной, как аббат Сорг, более известный как Черный Монах, прозванный так за смуглое лицо и черные брови. Его похоронили с колом в сердце.

Ле Бьян умолк, поглядел на меня и вернул рукопись Дюрану. Жандарм сунул свиток обратно в латунный цилиндр.

– Итак, – сказал я, – тридцать девятый череп – это череп Черного Монаха.

– Да, – подтвердил Фортен. – Надеюсь, они его не найдут.

– Я запретил им продолжать, – раздраженно напомнил мэр. – Ты сам это слышал, Макс Фортен.

Я поднялся и взял ружье. Малыш подошел и ткнулся мордой мне в руку.

– Прекрасный пес, – заметил Дюран, тоже вставая.

– Почему вы не хотите, чтобы его череп нашелся? – спросил я Ле Бьяна. – Было бы любопытно посмотреть, действительно ли клеймо прожгло ему лоб до кости.

– В этом свитке есть еще кое-что, чего я вам не прочел, – мрачно сказал мэр. – Хотите знать что?

– Конечно, – ответил я, не скрывая удивления.

– Дай-ка мне еще раз этот свиток, Дюран, – сказал он и прочитал приписку снизу:

Я, аббат Сорг, изложивший вышесказанное по принуждению моих палачей, написал это собственной кровью, и с нею я оставляю свое проклятие. Да падет мое проклятие на Сен-Жильда, на Мари Тревек и на ее потомков! Я вернусь в Сен-Жильда, когда мои останки будут потревожены. Горе тому англичанину, которого коснется мой клейменный череп!

– Какая гадость! – поморщился я. – Думаете, он и вправду написал это собственной кровью?

– Я собираюсь проверить, – сказал Фортен, – по просьбе господина мэра. Хотя не стану делать вид, будто эта работа мне по душе.

– Видите, – сказал Ле Бьян, протягивая мне свиток, – здесь подпись: «Аббат Сорг».

Я с любопытством взглянул на бумагу.

– Это наверняка Черный Монах, – сказал я. – Он был единственным, кто писал по-бретонски. Наконец-то раскрылась тайна его исчезновения! Это удивительное открытие, Ле Бьян! Вы ведь отправите этот свиток в Париж?

– Нет. – Мэр упрямо выдвинул подбородок. – Его следует вернуть в яму – туда, где лежит все прочее, что осталось от Черного Монаха.

Я посмотрел на него и понял, что спорить бесполезно. Но все же сказал:

– Для истории это будет большая потеря, месье Ле Бьян.

– Тем хуже для истории, – отрезал просвещенный мэр Сен-Жильда.

Так, перекидываясь словами на ходу, мы вернулись к гражданскому карьеру. Люди из Банналека понесли кости английских солдат в сторону кладбища Сен-Жильда, на восточные скалы. Там уже стояли в молитвенных позах какие-то женщины в белых чепцах, а за ними, среди крестов, мелькала темная риза священника.

– Они были убийцами и ворами, но теперь они мертвы, – пробормотал Макс Фортен.

– Почтение к мертвым, – напомнил мэр Сен-Жильда, провожая взглядом банналекцев.

– Если верить этому свитку, то священник проклял Мари Требек с острова Груа и ее потомков, – сказал я, тронув Ле Бьяна за руку. – Я знаю об одной Мари Требек, которая вышла замуж за Ива Требека из Сен-Жильда...

– Это она и есть, – подтвердил Ле Бьян, бросив на меня косой взгляд.

– О! Значит, это предки моей жены.

– Вы боитесь проклятия?

– Что? – рассмеялся я.

– Но был же случай с Пурпурным Императором, – робко сказал Макс Фортен.

Вздвогнув, я взглянул на него, но тут же пожал плечами и поддел ногой гладкий кусок камня, который лежал у края ямы, полузасыпанный гравием.

– Думаете, Пурпурный Император допился до чертиков из-за того, что происходил от Мари Тревек? – презрительно спросил я.

– Конечно нет, – поспешно ответил Макс Фортен.

– Конечно нет, – пропищал мэр. – Я просто... Эй! Что это вы пинаете?

– А? – Я посмотрел под ноги, невольно ткнув носком сапога еще раз в то же место. Гладкий камень поддался и выкатился из разрыхленного гравия.

– Тридцать девятый череп! – воскликнул я. – Черт побери, это башка Черного Монаха! Смотрите! На ней и правда выжжен наконечник стрелы!

Мэр попятился. Отступил и Макс Фортен. Некоторое время я молча смотрел на них, а они – куда угодно, только не на меня.

– Мне это не нравится, – наконец произнес мэр сильным, высоким голосом. – Совсем не нравится! В свитке сказано, что он вернется в Сен-Жильда, когда его останки будут потревожены. Мне это не нравится, мсье Даррел...

– Чушь! – отмахнулся я. – Сейчас этот старый черт в таких

местах, откуда ходу нет. Ради всего святого, Ле Бьян, о чем вы толкуете? 1896-й год на дворе!

Мэр посмотрел на меня.

– А еще там сказано: «Англичанин». Вы – англичанин, месье Даррел, – объявил он.

– Вы прекрасно знаете, что я – американец.

– Это одно и то же, – упрямо сказал мэр Сен-Жильда.

– Нет, не одно и то же! – взвился я и столкнул этот чертов череп ногой на дно ямы. – Засыпьте его. Можете и свиток закопать вместе с ним, если уж вы так настаиваете, но, по моему, лучше было бы отослать его в Париж. Не смотрите так мрачно, Фортен! Или вы и правда верите в призраков? Эй! Да что с вами такое в самом деле? На что вы уставились, Ле Бьян?

– Пойдемте, пойдемте, – дрожащим голосом забормотал мэр, – пора нам убираться отсюда. Вы видели? Ты видел, Фортен?

– Видел, – прошептал Макс Фортен, бледный от испуга.

И они вдвоем припустили по залитому солнцем пастбищу, а я поспешил за ними, требуя объяснить, в чем дело.

– Спрашиваете, в чем дело? – пропыхтел мэр, задыхаясь от возмущения и ужаса. – Череп сам переместился вверх, обратно из ямы!

С этими словами он рванул во всю прыть, и Макс Фортен тоже прибавил ходу. Я проводил их взглядом, повернулся к яме и собственным глазам не поверил: череп снова лежал

на краю карьера, точно там же, откуда я столкнул его вниз. Несколько секунд я таращился на него, ощущая, как невыразимый холод крадется по спине и все волосы на загривке становятся дыбом. Потом я повернулся и пошел прочь, стараясь не заорать. Так я сделал пару десятков шагов, но тут меня поразила абсурдность всего происходящего. Я остановился, сгорая от стыда и досады, и двинулся обратно.

Череп лежал на том же месте.

«Я сбросил туда какой-то камень вместо черепа», – пробормотал я себе под нос и прикладом ружья толкнул череп за край ямы. Когда он ударился о дно, Малыш, мой пес, внезапно поджал хвост, заскулил и понесся прочь через вересковую пустошь.

– Малыш!

Но в ответ на мой удивленный и сердитый окрик он лишь прибавил ходу. «Что за чудеса с этой собакой? – подумал я. – Никогда такого не было».

Машинально я заглянул в яму, но черепа не увидел. Я перевел взгляд. Череп снова лежал у моих ног, почти вплотную.

– Боже правый! – выдохнул я и вслепую ударил по нему прикладом.

Череп взлетел и кружась покатился по стенкам ямы на дно. Я смотрел на него, затаив дыхание, растерянный и смущенный. Потом попятился от ямы прочь, не сводя с нее глаз. Шаг, десять, двадцать... Глаза мои всё еще были прикованы

к яме: я почти ожидал увидеть, как эта ужасная штука выкачивается наверх. Наконец, я повернулся к раскопу спиной и зашагал домой через поросшую дроком и вереском пустошь. Дойдя до дороги, ведущей от Сен-Жильда к Сен-Жюльену, я бросил последний торопливый взгляд через плечо. В ярких лучах солнца на краю ямы белело что-то голое и круглое. Возможно, это был камень; их тут валялось предостаточно.

II

Войдя в сад, я сразу увидел Малыша, развалившегося на каменном крыльце дома. Он искоса посмотрел на меня и вильнул хвостом.

– И тебя совсем не мучит совесть, глупый ты пес? – спросил я, оглядывая верхние окна в поисках Лис.

Малыш перекатился на спину и протестующе поднял переднюю лапу, словно отгоняя беду.

– Не веди себя так, как будто у меня привычка избивать тебя до смерти, – возмутился я, и не зря: сроду я не поднимал руки на это свинское животное! – И нет, не подходи. Даже не думай, что я расчувствуюсь и стану над тобой кудахтать. Пусть этим занимается Лис, если захочет, а мне за тебя стыдно, и вообще, пошел ты к черту!

Малыш юркнул в дом, а я пошел следом и сразу поднялся на второй этаж, в будуар жены. Но там никого не было.

– Куда она подевалась? – растерялся я, пристально глядя

на Малыша, который уже был тут как тут. – Ага, вижу. Ты не знаешь. Не делай вид, будто тебе что-то известно. И пошел прочь с дивана! По-твоему, Лис обрадуется, если у нее весь диван будет в шерсти?

Я позвонил в колокольчик и услышал от Катрин и Фины, что они не знают, куда ушла «мадам». Тогда я пошел к себе, принял ванну, сменил слегка перепачканный охотничий костюм на домашний с теплыми, мягкими бриджами и, уделив еще несколько минут своему туалету (теперь, женившись на Лис, я стал к этому особо внимателен), спустился в сад и уселся на стул под фиговыми деревьями.

– Где она может быть? – задумался я.

Малыш бочком подкрался ко мне в поисках утешения, и я простил его ради Лис. Он сразу оживился и принялся прыгать.

– Ты, прыгучий бесенок, – проворчал я, – что на тебя сегодня нашло? Если еще раз удерешь, получишь заряд дробы под хвост, чтоб веселее бежалось.

До сих пор я едва осмеливался думать об ужасной галлюцинации, жертвой которой стал, но теперь наконец решился посмотреть правде в глаза, слегка покраснев от стыда при мысли о своем поспешном отступлении.

– Подумать только, – произнес я вслух, – я и впрямь поддался на эти бабушкины сказки Фортена и Ле Бьяна и увидел то, чего не было! У меня сдали нервы, как у школьника в темной спальне.

Теперь-то я понял, что принимал за череп обычный круглый камень и вместо самого черепа столкнул в яму пару булыжников.

– Да, нервы у меня ни к черту! – продолжал я. – Должно быть, печень шалит, коль скоро мне такое мерещится. Ну да ничего, Лис скажет, что мне принять.

Еще некоторое время я огорчался, досадовал и стыдился, с отвращением думая о Ле Бьяне и Максе Фортене. Но в конце концов перестал строить догадки, выбросил из головы мэра, химика и череп и задумчиво закурил, глядя, как солнце клонится к водам океана. Когда над волнами и вересковыми пустошами сгустились сумерки, сердце мое наполнилось мечтательным, беспокойным счастьем – счастьем того рода, которое известно всем, кому довелось полюбить.

Пурпурный туман медленно растекался над морем; скалы потемнели; лес тоже окутался мраком.

Внезапно небо над головой вспыхнуло прощальным заревом – и мир снова просиял.

Облака один за другим впитывали розовый отсвет; скалы раскрасились этим удивительным оттенком; болота и пастбища, вереск и лес горели и трепетали нежным румянцем. Порозовели белоснежные крылья чаек, круживших над песчаной косой; морские крачки скользили по глади медленной реки, пронизанной до безмятежных глубин теплыми отблесками облаков. Зашебетали птицы, уже задремавшие было в кустах живой изгороди, а вдалеке, на мелководье, сверкнул

серебристым боком лосось.

Нескончаемый рокот океана только подчеркивал тишину. Я сидел неподвижно, затаив дыхание, словно слушатель, внимающий первым глухим раскатам органа. Внезапно покой разорвал чистый свист соловья, и первый лунный луч посеребрил пустыню вод, затянутых туманом.

Я поднял голову. Лис стояла в саду, прямо передо мной.

Мы поцеловались, взяли за руки и стали прохаживаться по усыпанным гравием дорожкам, глядя, как лунные лучи искрятся на песчаной косе, а полоса прибоя отступает все дальше и дальше. Широкие клумбы белых гвоздик дрожали от белых мотыльков, порхающих над ними целой стаей; октябрьские розы благоухали, наполняя соленый ветер тонкой сладостью.

– Милая, – сказал я, – где Ивонна? Она пообещала, что будет с нами на Рождество?

– Да, Дик, она сегодня подвезла меня домой из Плугара. Шлет тебе свою любовь. Я не ревную. Как успехи на охоте?

– Заяц и четыре куропатки. Они в оружейной. Я сказал Катрин, чтобы не трогала их, пока ты не согласишься.

Думаю, я отдавал себе отчет, что Лис не очень-то интересна ружья и дичь, но она всегда делала вид, что ей это нравится, и насмешливо отрицала, будто проявляет интерес только ради меня, а не из чистой любви к охоте. Вот и сейчас она потащила меня осмотреть добычу, пусть и довольно скудную, сделала мне приятные комплименты и тихонько

вскрикнула от восторга и жалости, когда я вытащил из сумки за уши огромного зайца.

– Он больше не будет есть наш латук, – сказал я, пытаюсь оправдать убийство.

– Бедненький зайчик... но какая красота! Дик, ты ведь замечательно стреляешь, правда?

Я уклонился от ответа и достал куропатку.

– Бедняжки! – прошептала Лис. – Жалко их... не правда ли, Дик? Но ты такой молодец...

– Мы их приготовим, – осторожно сказал я. – Позови Катрин.

Катрин пришла и забрала дичь, а Фина Лелокард, горничная Лис, вскоре объявила, что ужин готов, и Лис пошла переодеваться.

Несколько секунд я стоял, блаженно размышляя о ней и говоря себе: «Мальчик мой, ты счастливейший человек на свете: ты влюблен в собственную жену!».

Я вошел в столовую, посмотрел на тарелки, улыбнулся до ушей и снова вышел, встретил Трегунка в коридоре, улыбнулся и ему, заглянул на кухню, улыбнулся Катрин и поднялся по лестнице, все еще сияя.

Я уже собирался постучать в дверь будуара, но она открылась сама. Лис выбежала в коридор, заметила меня и, вскрикнув с облегчением, прижалась к моей груди.

– Кто-то заглядывает мне в окно! – сообщила она.

– Что? – гневно воскликнул я.

– Какой-то человек, переодетый священником. И на нем маска. Наверное, он взобрался на лавр.

Я сбежал по лестнице и выскочил на крыльцо. Залитый лунным светом сад был абсолютно безлюден.

Подошел Трегунк, мы вдвоем осмотрели живую изгородь и кустарник вокруг дома и до самой дороги.

– Жан-Мари, – сказал я наконец, – выпусти моего бульдога – он тебя знает – и поужинай на крыльце, понаблюдай за садом. Моя жена говорит, что этот тип переоделся священником и носит маску.

Трегунк сверкнул белозубой улыбкой:

– Думаю, он больше не осмелится сюда прийти, месье Даррел.

Я вернулся и увидел, что Лис тихо сидит за столом.

– Суп готов, дорогой, – сказала она. – Не волнуйся, наверняка это был какой-то глупый шутник из Банналека. Никто из Сен-Жильда или Сен-Жюльена такого бы не сделал.

Я был слишком возмущен, чтобы ответить, но Лис продолжала настаивать, что это всего лишь чья-то дурацкая шутка, и мало-помалу я тоже начал смотреть на происшедшее в таком свете.

Лис рассказала мне об Ивонне и напомнила, что я обещал пригласить Герберта Стюарта, чтобы они могли познакомиться.

– Какая коварная дипломатия! – заметил я. – Герберт сейчас в Париже, изо всех сил трудится на Салон.

– А тебе не кажется, что он мог бы выделить неделю, чтобы пофлиртовать с первой красавицей Финистера? – с невинным видом спросила Лис.

– Первая красавица? Ну, это уж точно не об Ивонне!

– А о ком же тогда?

Я лишь смущенно рассмеялся.

– Полагаю, ты имеешь в виду меня, Дик, – сказала Лис, мило зардевшись.

– Наверное, я тебе уже надоел?

– Надоел? Да ты что, Дик! Как ты можешь такое говорить?

После того как подали кофе и сигареты, я рассказал о Трегунке, и Лис полностью одобрила мой поступок.

– Бедный Жан! Он, наверное, очень обрадовался? Какой ты добрый!

– Ерунда, – ответил я. – Нам и правда нужен садовник, ты сама так сказала, Лис.

Но Лис поцеловала меня, а потом наклонилась и обняла Малыша, а тот присвистнул носом, сентиментально проявляя признательность.

– Я очень счастливая женщина, – произнесла Лис.

– Сегодня Малыш плохо себя вел, – заметил я.

– Бедный Малыш! – сказала Лис улыбаясь.

Когда ужин закончился, Малыш захрапел перед ярко пылающим камином – октябрьские ночи в Финистере часто бывают холодными, – а Лис свернулась калачиком в кресле со своей вышивкой и бросила на меня быстрый взгляд из-под

опущенных ресниц.

– Ты прямо как школьница, Лис, – поддразнил я. – Не верю, что тебе уже шестнадцать.

Она задумчиво откинула назад свои густые блестящие волосы. Ее запястье было белым, как пена прибоя.

– Неужели мы уже четыре года женаты? Не могу поверить, – сказал я.

Она бросила на меня еще один быстрый взгляд и с легкой улыбкой коснулась вышивки, лежавшей у нее на коленях.

– Понятно, – сказал я, тоже улыбаясь вышивке. – Как ты думаешь, подойдет?

– Подойдет? – переспросила Лис и рассмеялась.

– Значит, ты совершенно уверена, что тебе... э-э-э... нам это понадобится?

– Совершенно, – кивнула Лис, заливаясь нежным румянцем и поднимая свое рукоделие – крохотную одежду, украшенную кружевом и сложной вышивкой.

– Это великолепно, – сказал я. – Только не утомляй глаза чересчур, дорогая. Можно я выкурю трубку?

– Конечно, – согласилась она, выбирая моток бледно-голубого шелка.

Некоторое время я сидел и молча курил, глядя, как ее тонкие пальцы мелькают среди разноцветных шелков и золотых нитей. Вскоре она опять заговорила:

– Напомни, Дик, какой у тебя герб?

– Мой герб? Э-э-э... что-то там вздыбленное на чем-то

таком в том же духе...

– Дик!

– Да, любовь моя?

– Не валяй дурака!

– Но я и правда забыл. Самый обыкновенный герб, в Нью-Йорке у всех такие. В каждой семье должен быть герб.

– Какой ты противный, Дик! Ну тогда пошли Жозефину наверх за моим альбомом.

– Ты хочешь вышить мой герб на этом... что ты там вышиваешь?

– Именно так. И мой собственный герб – тоже.

Я подумал о Пурпурном Императоре и слегка озадачился.

– А ты и не знал, что у меня тоже есть герб? – улыбнулась она.

– И что на нем? – осторожно поинтересовался я.

– Вот увидишь. Позови Жозефину.

Я позвонил в колокольчик, вошла Фина, и Лис тихим голосом отдала ей распоряжения. Горничная поспешила прочь, кивая головой в белом чепце и приговаривая: «Бьен, мадам!». Через несколько минут она вернулась с потрепанным, затхлым томом.

Я взял книгу в руки и осмотрел старинный переплет – когда-то он был лазурным с золотом, но краски почти выцвели.

– Лилии! – воскликнул я.

– Флер-де-лис, – скромно уточнила жена.

– О! – изумленно сказал я и открыл книгу.

– Ты никогда раньше не видел этот альбом? – спросила Лис с коварным блеском в глазах.

– Ты же знаешь, что нет. Эй, а это что такое? Ого! Значит, перед «Тревек» должно стоять «де»? Лис де Тревек? Тогда с какой стати Пурпурный Император...

– Дик! – воскликнула Лис.

– Ладно, – сказал я. – Ну прямо глаза разбегаются! Про кого бы мне почитать первым делом? Про сьера де Тревека, который в одиночку отправился к шатру Саладина, чтобы добыть лекарство для его величества Луи? Или вот – и это все здесь, черным по белому! – про *маркиза* де Тревека, который предпочел утонуть на глазах у Альвы, но не сдать Испании знамя с королевскими лилиями? Здесь все написано. А кстати, дорогая, как насчет того солдата по фамилии Тревек, который был убит в том старом форте на скале?

– Он отказался от «де», и с тех пор все Тревеки были республиканцами, – сказала Лис. – Все, кроме меня.

– И ты совершенно права, – кивнул я. – Нам, республиканцам, настало время завести себе нормальную феодальную систему. Любовь моя, я пью за короля!

Я поднял свой бокал с вином и посмотрел на Лис.

– За короля, – откликнулась Лис, снова зардевшись.

Она разгладила крошечную одежду, лежавшую у нее на коленях, прикоснулась губами к бокалу – в глазах ее светилась нежность. Я осушил свой бокал за короля.

Помолчав немного, я решил:

– Я буду рассказывать королю сказки. Его величеству понравится.

– Его величество, – тихо повторила Лис.

– Или ее, – рассмеялся я. – Кто знает?

– Кто знает? – пробормотала Лис с легким вздохом.

– Я знаю несколько сказок о Джеке – покорителе великанов, – объявил я. – А ты, Лис?

– Я? Нет, о покорителях великанов я не знаю, но знаю всё и об оборотне, и о Пламенной Жанне⁴, и об Оборванце в пурпуре⁵... О, да я, оказывается, знаю целую уйму историй!

– Ты такая умная! – сказал я. – А я буду учить его величество английскому.

– А я – бретонскому, – ревниво воскликнула Лис.

– Я буду приносить королю игрушки, – сказал я. – Больших зеленых ящериц с вересковой пустоши, маленьких серых кефалей, которые будут плавать в стеклянных шарах, крольчат из леса Керселек...

– А я, – сказала Лис, – принесу королю – моему королю – первую примулу, первую ветвь боярышника, первый жонкиль.

– Наш король, – сказал я, и в Финистере воцарился мир.

Я откинулся на спинку кресла, лениво перелистывая за-

---

⁴ Имя, под которым во французские легенды вошла Жанна Фландрская (ок. 1295–1374), герцогиня Бретани, возглавившая оборону города Энбон во время войны за Бретонское наследство.

⁵ Персонаж вымышленного сборника народных легенд, который фигурирует в другом (одноименном) рассказе Чамберса.

нятный старый альбом.

– Я ищу герб, – пояснил я.

– Герб, дорогой? Это голова священника со стреловидной отметиной на лбу, на поле...

Я сел прямо и уставился на жену.

– В чем дело, Дик? – улыбнулась она. – В этой книге все написано. Хочешь прочесть? Нет? Тогда я сама расскажу. Дело было во время третьего Крестового похода. Жил-был монах, которого люди называли Черным Монахом. Он стал отступником и продался врагам Христа. Сьер де Требек ворвался в сарацинский лагерь всего с сотней копий и захватил Черного Монаха в самой гуще вражеского войска.

– Так вот откуда взялся герб, – тихо сказал я, но про себя подумал о клейменом черепе в яме. Что бы это значило?

– Да, – ответила Лис. – Сьер де Требек отрубил голову Черному Монаху, но сначала он заклеил ему лоб наконечником стрелы. В книге говорится, что это был благочестивый поступок и что сьер де Требек заслуживает всяческих похвал. Но мне кажется, клеймить людей – это жестоко, – вздохнула она.

– А ты не слыхала о каком-нибудь другом Черном Монахе?

– Слыхала. Был такой в прошлом веке здесь, в Сент-Жильда. Говорят, на солнце он отбрасывал белую тень. И еще – он писал на бретонском. Вроде бы оставил хроники, но я их не видела. Его звали Жак Сорг – так же, как одного

старого хрониста и еще одного священника. Некоторые говорят, он был прямым потомком того предателя. Конечно, от первого Черного Монаха можно было всего ожидать. Но даже если у него и был ребенок – это еще не значит, что последний Жак Сорг произошел от него. Говорят, этот человек был святым. Настолько добрым, что ему не дали умереть, а забрали живым на небо, – добавила Лис, глядя на меня глазами, сияющими детской верой.

Я лишь улыбнулся.

– Но он и правда исчез, – настаивала Лис.

– Боюсь, его путь лежал в другом направлении, – шутливо сказал я и, не подумав, поделился с ней утренней историей.

Я совершенно забыл о человеке в маске, заглядывавшем ей в окно, и вспомнил только тогда, когда увидел, что с лица ее схлынула краска. Я принялся ласково увещевать ее:

– Лис, милая, это была всего лишь выходка какого-то нелепого шутника. Ты и сама так сказала. Ты же не суеверна, любовь моя?

Она посмотрела мне в глаза, медленно вытащила из-за пазухи маленький золотой крестик и поцеловала его. Но ее губы дрожали, когда она прикоснулась ими к символу веры.

III

На следующее утро, часов около девяти, я вошел в таверну «Груа», сел за длинный выцветший дубовый стол и кив-

нул Марианне Брюйер, а та, в свою очередь, приветственно качнула своим белым чепцом.

– Ну, моя банналекская умница, скажи мне: чем побалуует таверна «Груа» путника перед долгой дорогой?

– Сидр? – спросила она по-бретонски.

– С капелькой красного вина, – добавил я.

Она принесла восхитительный сидр Кимперле, и я плеснул в него немного бордо.

Марианна смотрела на меня, и в ее черных глазах плясали смешинки.

– Что это ты так покраснелась, Марианна? – спросил я. – Жан-Мари заходил?

– Мы с ним поженимся, месье Даррел, – ответила она со смехом.

– С каких это пор Жан-Мари Трегунк потерял голову?

– Голову? О месье Даррел, вы, должно быть, хотели сказать «сердце»!

– Точно, – кивнул я. – Жан-Мари – практичный парень.

– Это все благодаря вашей доброте... – начала девушка, но я поднял руку со стаканом.

– Это все благодаря ему самому. За твое счастье, Марианна! – и я хлебнул сидра от души. – А теперь, – продолжал я, – скажи-ка, где я могу найти Ле Бьяна и Макса Фортена?

– Месье Ле Бьян и месье Фортен наверху, в большом зале. По-моему, они изучают пожитки Красного Адмирала.

– Чтобы отослать их в Париж? Ага, я так и знал. Можно

мне к ним подняться, Марианна?

– С Богом, – улыбнулась девушка.

Я постучал в дверь большого зала на втором этаже, и мне открыл коротышка Макс Фортен. Его очки и нос покрывала пыль; шляпа, украшенная бархатными ленточками, сбилась набекрень.

– Входите, месье Даррел, – сказал он. – Мы с мэром пакуем вещи Пурпурного Императора и бедняги Красного Адмирала.

– Коллекции? – спросил я, проходя в комнату. – Будьте очень осторожны с этими коробками для бабочек! Крылья или усики могут сломаться от малейшего удара.

Ле Бьян пожал мне руку и указал на огромную кучу коробок.

– Они все с пробковым дном, – сказал он, – но мы с Фортеном все равно обкладываем их войлоком. Перевозку оплачивает Энтомологическое общество Парижа.

Объединенные коллекции Красного Адмирала и Пурпурного Императора поражали воображение. Я поднимал и осматривал коробку за коробкой с великолепными бабочками и мотыльками; каждый экземпляр был тщательно подписан на латыни. Пылали багрянцем бабочки-медведицы; желтушки являли взору целые симфонии оранжевых и бледно-желтых тонов; коробки с нежно-серыми и пыльно-бурыми бражниками перемежались подборками ярких, пестрых Ванесс.

В отдельной просторной коробке в гордом одиночестве красовался пурпурный император, он же большая радужница, *Aratura Iris*, – тот роковой образец, который дал Пурпурному Императору его прозвание и оборвал его жизнь.

Я вспомнил эту бабочку и загляделся на нее, вздернув бровь.

Ле Бьян поднял голову – он сидел на полу, заколачивая деревянный ящик, уже заполненный коробками.

– Итак, – сказал он, – решено, что мадам, ваша супруга, отдает всю коллекцию Пурпурного Императора городу Парижу?

Я кивнул.

– Безвозмездно?

– Да, в подарок, – подтвердил я.

– В том числе и коробку с Пурпурным Императором? Эта бабочка стоит больших денег, – заметил Ле Бьян.

– Вы же не думаете, что мы захотим продать этот образец? – резко ответил я.

– На вашем месте я бы его уничтожил, – произнес мэр своим тонким голосом.

– Это было бы глупо, – возразил я, – как тогда, когда вы вчера закопали обратно тот латунный цилиндр со свитком.

– Это не глупо, – упрямо сказал Ле Бьян, – и я предпочел бы не обсуждать тему свитка.

Я посмотрел на Макса Фортена, но тот сразу же опустил глаза.

– Вы – пара суеверных старух, – проговорил я, засунув руки в карманы. – Готовы проглотить любую сказку.

– Ну и что с того? – нахмурился Ле Бьян. – Правды в них обычно больше, чем лжи.

– О! – я усмехнулся. – Значит, мэр Сен-Жильда и Сен-Жюльена верит в Человека-Волка?

– Ну, в Человека-Волка, пожалуй, нет.

– Тогда в кого же? В Пламенную Жанну?

– Это черт знает что такое! – вспыхнул я. – Только не говорите, монсеньор мэр, что вы сохранили чистую детскую веру в великанов!

– Великаны и вправду существовали, – проворчал Макс Фортен. – Это всем известно.

– Надо же, а еще химик! – презрительно бросил я.

– Послушайте, месье Даррел, – пискнул Ле Бьян, – вы сами знаете, что Пурпурный Император был ученым. А если я скажу вам, что он всегда отказывался включить в свою коллекцию Вестника Смерти?

– Что-что?

– Вы меня прекрасно поняли. Я имею в виду того мотылька, который летает по ночам. Некоторые зовут его мертвой головой, но мы в Сен-Жильда называем его Вестником Смерти.

– А-а, – сказал я, – вы об этом! Но это же обычный бражник, просто крупный. С чего это его прозвали вестником смерти?

– Именно так его зовут в Сен-Жильда уже не одну сотню лет, – вмешался Макс Фортен. – Об этом упоминает даже Фруассар в комментариях к «Хроникам» Жака Сорга. Книга есть в вашей библиотеке.

– Сорг? А кто такой этот Жак Сорг? Я его не читал.

– Жак Сорг был сыном какого-то монаха-расстриги... забыл, как его звали. Это было во времена Крестовых походов.

– Боже правый! – не выдержал я. – С той самой минуты, как я столкнул этот череп в яму, я только и слышу, что о Крестовых походах, монахах, колдовстве и смертях, и мне, честно сказать, уже надоело. Как будто мы вернулись в Темные века! Известно ли вам, Ле Бьян, какой нынче год от Рождества Господа нашего?

– Тысяча восемьсот девяносто шестой, – ответил мэр.

– Вот именно! А вы, точно два деревенских олуха, боитесь какой-то бабочки!

– Не просто какой-то бабочки, – заметил Фортен. – Это же Вестник Смерти! Если он влетит в окно, жди беды.

– Одному Богу известно, почему Он пометил одно из Своих созданий желтой мертвой головой на спине, – произнес Ле Бьян, возведя очи горе, – но полагаю, это было предупреждение, и считаю неправильным от него отмахиваться.

– Послушайте, Ле Бьян, – сказал я, – допустим, если дать волю воображению, то на грудной клетке некоторых крупных бражников можно разглядеть череп. Но и что с того?

– А то, что его лучше не трогать, – сказал мэр, покачивая

головой.

– Если взять его в руки, он пищит, – добавил Макс Фортен.

– Некоторые животные все время пищат, – заметил я, пристально глядя на Ле Бьяна. – А кое-кто и визжит.

– Свиньи, – подхватил мэр.

– Ага, и ослы, – добавил я. – Послушайте, Ле Бьян, вы хотите сказать, что и правда видели вчера, будто этот череп выкатился наверх из ямы?

Мэр поджал губы и молча взялся за молоток.

– Не упрямитесь, – сказал я, – я задал вам вопрос.

– А я отказываюсь отвечать, – огрызнулся Ле Бьян. – Фортен видел то же, что и я, пусть он рассказывает.

Я испытующе посмотрел на маленького химика.

– Я не стану утверждать, что видел, как он подымается из ямы сам по себе, – сказал Фортен, не скрывая дрожи, – но... но тогда как он оказался снова на краю?

– Да это вообще был не он! Просто какой-то желтый булыжник, который вы приняли за череп, – ответил я. – У вас сдали нервы, Макс.

– Очень уж... э-э-э... необычный булыжник, месье Даррел, – сказал Фортен.

– Я стал жертвой той же галлюцинации, – продолжал я, – и с сожалением должен признать, что дал себе труд столкнуть в яму два безобидных булыжника, каждый раз воображая, будто я сбрасываю череп.

– Это и был череп, – заметил Ле Бьян, угрюмо пожав плечами.

– Это говорит лишь о том, – продолжал я, не обращая внимания на мэра, – как легко принять цепочку совпадений за сверхъестественное вмешательство. Вот, например, вчера вечером моей жене показалось, будто в окно ее спальни заглянул какой-то священник в маске...

Фортен и Ле Бьян разом вскочили, бросив молотки и гвозди.

– ЧТО? Что вы сказали? – воскликнул мэр.

Я повторил. Макс Фортен побледнел, как мел.

– Боже мой, – пробормотал Ле Бьян, – Черный Монах в Сен-Жильда!

– Р-р-аз... разве вы не слышали старое пророчество? – заикаясь, выдавил Фортен. – Фруассар цитирует его из «Хроники» Жака Сорга: *«Когда Черный Монах восстанет из мертвых, люди из Сен-Жильда будут кричать в постелях. Когда Черный Монах восстанет из могилы, да помилует Бог Сен-Жильда!»*.

Я рассердился не на шутку:

– Аристид Ле Бьян! И вы, Макс Фортен! Хватит с меня этого вздора! Какой-то придурок из Банналека побывал в Сен-Жильда, чтобы подшутить над такими старыми дураками, как вы. Если вам не о чем поговорить, кроме детских сказок, я подожду, пока вы придете в себя. Доброго утра.

И я вышел вон, не желая признаться себе, что все это тре-

вожит меня больше, чем хотелось бы.

День выдался туманным и пасмурным. Тяжелые, налитые влагой тучи висели на востоке. Я слышал, как прибой гремит о скалы, а высоко в небе кричат серые чайки. Прилив наполнил на речные пески, подымаясь все выше и выше, пляж уже затопило, в воде колыхались водоросли и мелькали серебристые песчанки.

То и дело над рекой пролетали кроншнепы, по двое и по трое, – все они стремились прочь от моря. Робкие крачки скользили над краем пустоши в поисках какого-нибудь тихого, уединенного озера, где можно было бы переждать надвигающуюся бурю. Другие птицы сбивались стаями на полях, оглашая округу беспокойным щебетом.

Дойдя до скал, я сел и оперся подбородком на стиснутые руки. Остров Груа уже скрылся за гигантской завесой дождя, которая неслась через океан за много миль отсюда. На востоке, за белым семафором на холмах, сгруппировались над горизонтом черные тучи. Вскоре прогремел гром – и гребень грозы озарился первыми нитями молний, все еще тонкими и далекими. Под обрывом у моих ног ярился прибой, над ним металась дрожащая крачка.

Я посмотрел на восток. Дождь шел над Груа и Сен-Барбом, да уже и над семафором. Высоко в штормовом вихре пронеслось несколько чаек; туча поближе волочила за собой пелену дождя; небо полыхало молниями; грохотал гром.

Когда я поднялся, собираясь идти, на тыльную сторону

моей руки упала холодная капля, затем еще одна, и еще – на лицо. Я бросил последний взгляд на море, где волны разбивались на странные белые фигуры, казалось, тянувшие ко мне руки, чтобы схватить. Затем что-то шевельнулось на скале... что-то черное, как сама скала, за которую оно держалось, – мерзкий баклан, запрокинувший к небу свою безобразную голову.

Я медленно побрел домой через мрачную пустошь, где стебли дрока мерцали тусклой металлической зеленью, а вереск, уже не фиолетовый и не пурпурный, поник мокрыми, бурыми стеблями среди серых камней. Влажный торф скрипел под моими тяжелыми сапогами, терновник царапал колени и локти. И все было залито странным светом, бледным и призрачным, а долетавшие с моря брызги секли мне лицо, пока оно не онемело от холода.

Широкими полотнищами, шеренга за шеренгой, волна за волной дождь захлестывал бескрайние болота, хотя ветра, который гнал бы его с такой скоростью, я не чувствовал.

Когда я вошел в сад, Лис стояла в дверях и махала мне, чтобы я поторопился. Только теперь я осознал, что промок до нитки.

– Как тебе вообще взбрело в голову гулять, когда собралась такая гроза? – спросила она. – Да с тебя ручьями течет! Живо иди в дом и переоденься! Я положила тебе на кровать теплое белье.

Я поцеловал жену, поднялся на второй этаж и переоделся

в сухое.

Спустившись в столовую, я увидел, что в камине пылает плавник, а Лис сидит в кресле за вышивкой.

– Катрин говорит, что рыбаки из Лорьяна вышли в море. Как ты думаешь, милый, с ними ничего не случится? – спросила Лис, подняв на меня свои голубые глаза.

– Ветра нет, а значит, и шторма не будет, – сказал я, глядя в окно.

Далеко за болотами проступали сквозь туман черные скалы.

– Ну и ливень! – ужаснулась Лис. – Иди к огню, Дик.

Я уселся на меховой ковер перед камином, сунул руки в карманы и положил голову на колени Лис.

– Расскажи мне сказку, – попросил я. – Я чувствую себя так, будто мне лет десять.

Лис поднесла палец к алым губам. Мне всегда нравилось, как она это делает.

– А ты будешь сидеть тихо-тихо? – спросила она.

– Тихо, как смерть, – пообещал я.

«Смерть», – отозвался эхом чуть слышный голос.

– Это ты сейчас сказала, Лис? – Я обернулся, чтобы взглянуть ей в лицо.

– Нет! Я думала, это ты, Дик!

– Кто же сказал «смерть»? – спросил я в испуге.

– Смерть, – прошелестел тот же голос.

Я вскочил и огляделся. Лис тоже поднялась, уронив на пол

иглы и вышивку, и тяжело оперлась мне на руку. Казалось, она вот-вот лишится чувств. Я подвел ее к окну и приоткрыл его, чтобы дать ей воздуха. Но в то же мгновение цепная молния расколола небеса, громыхнул гром, и в комнату ворвался дождь, увлекая за собой что-то живое и трепещущее. Оно издавало странные звуки: то ли скрип, то ли писк и билось о ковер мягкими влажными крыльями.

Мы вместе склонились над ним – Лис крепко держалась за мою руку – и увидели, что это бабочка «мертвая голова», насквозь промокшая.

Хмурый день медленно клонился к вечеру, пока мы сидели у камина, взявшись за руки, и говорили о печали, смерти и тайне. Ибо Лис верила, что есть на земле такие тайны, которые невозможно понять, и они должны оставаться безымянными во веки веков, пока Бог не свернет свиток жизни и всему не придет конец. Мы говорили о надежде и страхе, о вере и тайне святых, о начале и конце, о смертной тени греха, о знамениях и о любви. Бражник так и лежал на полу, трепеща своими мрачными крыльями в тепле камина, и на его спине отчетливо проступал зловещий рисунок – череп и скрещенные кости.

– Даже если это и впрямь Вестник Смерти, – промолвил я, – чего нам бояться, Лис?

– Те, кто любит Бога, должны приветствовать смерть, – пробормотала Лис и поднесла к губам свой нательный крестик.

– Бабочка может погибнуть, если я выпущу ее в бурю, – немного помолчав, сказал я.

– Пусть остается, – вздохнула Лис.

Поздно вечером, когда она уже уснула, я еще какое-то время сидел у ее кровати и читал «Хронику» Жака Сорга. Свечу я прикрыл колпачком, но Лис стала ворочаться во сне, и в конце концов я спустился с книгой в столовую, где в прогоревшем очаге шуршал белый пепел.

Бабочка по-прежнему лежала на ковре перед камином. Сначала я подумал, что она мертва, но, приглядевшись, увидел в ее янтарных глазах проблески огня. Тень ее, падавшая на пол в свете мерцающей свечи, была снежно-белой.

Я продолжал листать страницы «Хроники», влажные и липкие, синие и золотые инициалы оставляли у меня на руках хлопья позолоты и лазури.

«Это вовсе не бумага – это тонкий пергамент», – сказал я себе.

Я поднес выцветшую страницу к пламени свечи и стал читать, усердно переводя в уме: *«Я, Жак Сорг, видел всё это своими глазами. Я видел, как в часовне Святого-Гильдаса-на-Скалах служили черную мессу. Содеял же это настоятель Сорг, мой родич по крови, за каковой смертный грех сей отступник был схвачен благороднейшим маркизом Плугастеля и осужден на казнь, дабы жгли его раскаленным железом, доколе истерзанная душа его не покинет тело и не отлетит к своему господину – дьяволу. Но когда Черный*

Монах лежал в склепе Плугастеля, его господин, Сатана, пришел в ночи, освободил его и перенес через сушу и море к Махмуду – он же Солдан или Саладин. Я же, Жак Сорж, путешествуя после по морю, своими глазами видел этого родича моего, Черного Монаха из Сен-Жильда, летящего по воздуху на огромном черном крыле, и было то крыло Сатаны, его господина. И видели его еще двое матросов с того корабля».

Я перевернул страницу. Крылья бабочки на полу затрепетали. Я читал все дальше и дальше, хотя глаза мои уже слились в дрожащем свете свечи. Я читал о битвах и святых, я узнал, как великий Солдан заключил договор с Сатаной, а затем добрался и до съера де Тревека и прочитал, как он схватил Черного Монаха посреди шатров Саладина, и вывел его в поле, и отрубил ему голову, сперва заклеив лоб. «*И прежде чем он принял муку, – говорилось в “Хронике”, – он проклял съера де Тревека и весь его род, и сказал он, что непременно вернется в Сен-Жильда. За то насилие, которое ты чинишь надо мной, я и над тобою учиню насилие. За то зло, которое я терплю от твоих рук, я сотворю зло над тобой и твоими потомками. Горе твоим детям, съер де Тревек!*». Тут раздался шум сильных крыльев, и моя свеча вспыхнула, как от внезапного сквозняка. Жужжание наполнило комнату, огромный бражник метался туда-сюда, бился о потолок и стены. Я отбросил книгу и вскочил. Теперь мотылек трепетал на подоконнике, я накрыл его рукой, но про-

клятая тварь и правда пискнула под моей ладонью, и я отпрянул. Внезапно он устремился к пламени свечи, свет снова вспыхнул и погас, и в тот же миг в темноте за окном шевельнулась тень. Я поднял глаза. Лицо в маске таращилось на меня из-за стекла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.